

М. В. РОДЗЯНКО

<«...Никто не принес столько вреда России, как А. Ф. Керенский»>

<...> Член правительства Керенский, занимавший тогда пост министра юстиции, состоял одновременно с этим и товарищем председателя Совета рабочих и солдатских депутатов и не только получал директивы отсюда, но вынужден был на первых порах постоянно являться на собрания Совета, давать объяснения и, естественно, в качестве причастного к этой организации лица, вносить порученные директивы и требовать их проведения в недрах Временного правительства.

Здесь уместно будет дать хотя бы краткую характеристику А. Ф. Керенского, этого яркого и гибельного для России государственного деятеля. А. Ф. Керенский для меня, хорошо его знающего, был совершенно ясен. В высшей степени беспринципный человек, легко меняющий свои убеждения, мысли, не глубокий, а, напротив, чрезвычайно поверхностный, он не представлял для меня типа серьезного государственномыслящего человека. Его речи в Государственной думе, всегда нервно-истеричные, были в большинстве случаев бессодержательны, в виде фейерверка громких, звонких фраз, и не всегда даже соответствовали его внутреннему настроению. Так, например, в начале лета 1916 года, когда стало очевидным, что Государственной думе нет больше дела и члены Думы стали поговаривать, что пора бы распустить их на каникулы по домам, Керенский разразился громовой речью по адресу своих товарищей — членов Думы. Он упрекал их в нежелании положить свои труды на пользу Родины, укорял их в том, что они будто бы готовы судьбу Отчизны отдать в бесконтрольное распоряжение бездарного, развращенного правительства, сыпал на их головы упреки в измене и угрожал народным гневом. Речь была страстная, горячая и стремительная. Я председательствовал

в это время, и, когда А. Ф. Керенский кончил, я, передав председательство своему товарищу, направился к выходу из зала заседания. Здесь меня встретил Керенский и сказал: «Когда же, наконец, Михаил Владимирович, вы нас распустите — пора и по домам, нам больше делать нечего?» Когда же я высказал ему свое несказанное удивление по поводу несоответствования таких слов с содержанием только что произнесенной им речи, я получил в ответ такие слова: «Одно дело кафедра, где требуется подчинение партийным лозунгам, чтоб нанести удар врагам, а другое — это существо дела, обсужденное беспристрастно». В этом ответе Керенский сказался весь по всему своему существу. Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А. Ф. Керенский. Любитель дешевых эффектов, рисующийся демагогическими принципами, Керенский был всегда двуличен, заигрывал со всеми политическими течениями и не удовлетворял решительно никого — безвольный, без всяких твердых государственных принципов, бесспорно тайно покровительствовавший большевикам.

Ведь несомненно, кроме того, что Керенский способствовал ввозу в Россию в запечатанных, для видимости только, вагонах того букета главарей большевизма, которые, добившись при помощи, главным образом, тех же революционированных запасных батальонов власти, залили кровью и покрыли позором всю матушку Россию. Это он, несомненно, из тайного сочувствия к большевикам, но, быть может, и в силу иных соображений, побудил Временное правительство согласиться на этот преступный акт. Керенский не мог не понимать, к чему поведет эта свобода проповеди коммунизма и анархии, и, тем не менее, не принял мер к ограждению Родины от ее растлевающего влияния. Комментарии тут излишни.

Хотя Керенский и балансировал во все стороны, однако же справедливость требует напомнить, что некоторое время он был всеобщим оракулом, вождем и любимцем. Им увлекались все, веря его заманчивым обещаниям, из которых он, однако же, ни одного не выполнил. <...>

